

УДК 340.132.6

doi:10.35853/vestnik.gu.2023.1(40).06

Определение, роль и логические правила толкования

Павел Алексеевич Ларионов

Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия, plarionov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6918-0906>

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы понимания толкования и его значения как в разрезе исторической ретроспективы отечественной и зарубежной правовой системы, так и в доктринальной плоскости современной российской и зарубежной теории права. Актуальность темы обусловлена самой сутью толкования как ежедневной правоприменительной деятельности всего публично-правового аппарата. Отсюда, определение фундаментальных начал указанного процесса видится приоритетной задачей юридической науки. Целью проведенного исследования является анализ политических, законодательных и доктринальных воззрений на толкование как социоправовое явление с последующей выработкой собственной дефиниции, основанной на правилах формальной логики и принципа непротиворечия. В тексте статьи с опорой на существующие воззрения формулируется авторское определение интерпретации, к которому автором прилагаются логические правила, отправные точки всякой деятельности, связанной с юридическим толкованием. Методология проведенного исследования основана на повсеместном использовании теоретических общенаучных и частно-научных методов познания, в том числе синтеза, анализа, обобщения, а также специально-юридических методов ретроспективного исторического анализа и сравнительно-правового исследования.

Ключевые слова: толкование права, Аристотель, логика, логическое тождество, интерпретационный процесс

Для цитирования: Ларионов П. А. Определение, роль и логические правила толкования // Вестник Гуманитарного университета. – 2023. – № 1 (40). – С. 86–91. – DOI 10.35853/vestnik.gu.2023.1(40).06.

Definition, Role and Logic Rules of Interpretation

Pavel A. Larionov

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia

Abstract. The article focuses on the issues of understanding the interpretation and its meaning in the context of both the historical retrospective of the domestic and foreign legal system, and in the doctrinal plane of modern Russian and foreign theory of law. The relevance of the topic is due to the very essence of interpretation as a daily law enforcement activity of the entire public legal apparatus. Hence, the definition of the fundamental principles of this process is seen as a priority task of legal science. The purpose of the study is to analyze political, legislative and doctrinal views on interpretation as a socio-legal phenomenon, followed by the development of its own definition based on the rules of formal logic and the principle of non-contradiction. In the text of the article, with the help of the existing views, the author's definition of interpretation is formulated, to which the author applies logical rules, starting points of any activity related to legal interpretation. The methodology of the research is based on the widespread use of theoretical general scientific and

private scientific methods of cognition, including synthesis, analysis, generalization, as well as special legal methods of retrospective historical analysis and comparative legal research.

Keywords: interpretation of law, Aristotle, logic, logical equality, interpretative process

Существует множество подходов к тому, что есть толкование и каково его юридическое значение. В Древней Греции VII–VI вв. до н. э. толкование законов как целенаправленная деятельность отсутствовало, а нормы права, вызывавшие споры, попросту «убирали из Ареопага» [Аристотель 1937, с. 75]. Гораздо позднее, в VI в. нашей эры, толкование как юридическая деятельность, очевидно, существовала, но была под запретом – «дигестам была придана сила закона, и, по словам Юстиниана, никто ни сейчас, ни впоследствии не должен осмеливаться прибавлять к ним комментарии» [Петеретский 1956, с. 131]. Однако этот запрет был нарушен еще при царствовании Юстиниана I.

В отечественном праве официальный дискурс, посвященный толкованию, начал Петр I, издавший 17 апреля 1722 года Указ «О хранении прав гражданских», в котором сравнил юридическую интерпретацию с «ловлей рыбы в мутной воде» и предписал правоприменителю «не дерзать иным образом всякие дела вершить и располагать против регламентов» [Указ о хранении прав гражданских 1722]. Анализируя текст Указа, мы видим, что Петр I, как и Юстиниан, к толкованию относился негативно, воспринимая его как средство извращения его самодержавной воли, в связи с чем заставлял правоприменителей на местах толковать нормативные акты исключительно буквально.

Но уже спустя столетие, во второй половине XIX века, отношение высших государственных органов к толкованию сменилось с гнева на милость. Как отмечает Н. И. Биюшкина, в этот период Правительствующий Сенат, как высшая судебная инстанция, рассматривал интерпретацию скорее не как правоприменительный инструмент, а как основу судебного нормотворчества в попытках «решения сложной задачи восполнения пробелов в праве». В то время «Сенат являлся средоточием механизма судебного нормотворчества в Российской Империи... [которое. – П. Л.] изначально было присуще деятельности Сената, однако окончательная институционализация произошла после Судебной реформы 1864 г.», – пишет А. Н. Верещагин [Верещагин 2014, с. 21]. Тем не менее, отмечает Н. И. Биюшкина, подобная практика представляла «исключение в развитии российского права... не характерное для российской правовой традиции» [Биюшкина 2019].

Подобная поляризованность мнений росла не только от эпохи к эпохе, от страны к стране, но и внутри отдельно взятой правовой доктрины. Например, Комиссия международного права определяет толкование как правовое явление «гораздо более схожее с искусством, чем с точной наукой» [Draft Articles on the Law of Treaties ... 1966, p. 193]. В ходе исследования обозначенный подход будет проанализирован, однако уже на стадии введения в тематику отметим, что процесс интерпретации стоит воспринимать именно в двуединстве точной науки и творчества.

В то же время определение Комиссии международного права некоторым видится слишком беззаботным – тотальное урегулирование подавляющего большинства аспектов человеческого существования, приведение всей жизнедеятельности человека в соответствие с установленным юридическим порядком делают цену просчетов при применении закона высокой (а уголовного – вдвойне или втройне). Из этих рассуждений и исходит американский профессор Р. Кавер, говоря, что «толкование права происходит там, где царят боль и смерть» [Cover 1986, p. 1613].

Продолжая логику профессора Р. Кавера, О. Амманн очерчивает разницу между толкованием права и толкованием иных объектов – искусства, религиозных текстов и литературных источников. В соответствии с его концепцией юридическое толкование в первую очередь нацелено на практическое применение – разрешение конкретного дела, а отсюда значение его несравнимо выше, чем в толковании иного рода. Кроме того, в некоторых правовых системах, к числу которых можно смело отнести и Рос-

сийскую Федерацию, результаты юридического толкования, совершённого отдельными субъектами, являются обязательными не только для сторон конкретного спора, но и наделяются нормативным характером [Ammann 2020, p. 166], то есть превращаются из субъективного мнения в объективное правило. К этой позиции апеллирует немецкий философ Ф. К. фон Савиньи – по его мнению, «толкование законов не отличается от толкования любой другой выраженной мысли (как, например, это практикуется в филологии)» [фон Савиньи 2011, с. 481]. В то же время сделанное замечание относится, скорее, не к сущностному восприятию толкования, а к толкованию как процессу – целенаправленной последовательности действий. В таком же контексте тезис об универсальности инструментария интерпретатора в литературе, религии и праве воспроизводят в отечественной доктрине С. С. Алексеев [Алексеев 1981] и Н. М. Коркунов [Коркунов 2019].

Обращаясь к анализу представлений о сущности толкования юридического, нельзя безоговорочно согласиться с определением С. В. Сурковой, которая понимает его как «интеллектуально-волевую деятельность субъектов права по уяснению и разъяснению смысла норм права, выражающуюся в особом юридическом акте» [Суркова 2022]. Если первую часть определения можно считать приемлемой, то вторая, в аспекте обязательности оформления любого толкования в «особом юридическом акте», вызывает сомнение в свете сразу нескольких обстоятельств.

Во-первых, очевидно, что не каждая интерпретация производит на свет интерпретационный акт. Неофициальное толкование, к примеру, не только не предполагает издания юридических актов, но вообще может не формализоваться в отдельном документе (например, разъяснение преподавателем уголовного права сути установленного запрета, изучение следователем норм уголовного закона с целью выявления всех подлежащих доказыванию признаков состава преступления вообще не получают закрепления на материальных носителях). В этой части более удачным видится определение вологодской правовой школы, представители которой включают в понятие толкования его целевое предназначение – «доведение необходимой информации до сведения заинтересованных лиц» [Теория государства и права для обучающихся по специальности «Правоохранительная деятельность» 2022, с. 281], не выделяя при этом форму такого доведения (устно, письменно, в правовом акте и т. д.).

В то же время определению С. В. Сурковой корреспондирует позиция С. С. Алексеева, который понимал толкование узко – сводил его исключительно к официальному. Так, теоретик пишет, что толкование вообще есть «деятельность по установлению содержания правового акта для его практической реализации». По его мнению, толкование лишь тогда обладает признаками «специальной деятельности», когда осуществляется для последующего применения толкуемых правовых предписаний [Алексеев 1981, с. 169]. Соглашаясь с С. С. Алексеевым, стоит оговориться, что толкование вообще может иметь различные цели, при этом сущностно сохраняя свои стадии и структуру, однако только официальное толкование обладает описанными выше рисками и влечет правовые последствия для конкретных лиц или неопределенного круга субъектов, а оттого должно быть предметом отдельного пристального внимания. Тем не менее, в связи с важной ролью неофициальных интерпретаций, при формулировании термина «толкование» упоминание лишь официального обесценивало бы в том числе и академические изыскания, которые всегда являются основой и правотворчества, и правоприменения.

Во-вторых, определение С. В. Сурковой видится неудачным, так как упомянутая ею категория «особый юридический акт» в первую очередь подразумевает интерпретационный акт в его узком смысле – акт официального толкования. Он (акт) далеко не всегда является собственно формой правового акта, издаваемого в результате интерпретации. Даже в случае принятия концепции С. С. Алексеева, который назначением толкования видел реализацию правовых предписаний, такая реализация в подавляющем большинстве случаев происходит в «ординарных» правоприменительных актах, которые к числу интерпретационных не относятся. А отсюда, сведение толкования лишь к деятель-

ности по разработке специальных разъяснительных актов умаляло бы обозначенную во введении к настоящей работе идею о том, что любой акт правоприменения содержит в себе крупицу официального казуального толкования, которое гораздо ближе к юридической повседневности, чем все интерпретационные акты в совокупности.

Исследование различных подходов к толкованию позволяет выделить его сущностное предназначение, о котором писал уже упомянутый немецкий философ Ф. К. фон Савиньи. Согласно его концепции, «толкование каждого закона нацелено на то, чтобы именно из него можно было получить как можно больше знания о реальном праве», а сам процесс толкования представляется «донесением [права. – П. Л.] до нашего сознания» [фон Савиньи 2011, с. 482].

В этом подходе содержится сразу несколько важнейших выводов. Во-первых, толкование видится привнесением в собственное сознание смысла правовой нормы. Во-вторых, правовая норма Ф. К. фон Савиньи противопоставлена норме закона как содержание – форме. Соглашаясь с немецким философом и принимая его концепцию за отправную точку в формулировании собственного определения, толкование в его технико-юридическом смысле надлежит понимать как установление содержания и объема нормы идеальной (нормы права) с помощью различных методов воздействия на норму реальную (норму закона). Это определение согласуется с воззрениями А. Ф. Черданцева, который называл нормы закона (в виде конкретных терминов и выражений) «знаковой системой» [Черданцев 1979, с. 5], С. С. Алексеева, указывавшего на различие «словесно-документального изложения предписаний и их нормативного, специально-юридического выражения» [Алексеев 1981, с. 170], Г. Ф. Шершеневича, называвшего задачей толкователя «проникновение через значение слов в содержание мысли» [Шершеневич 2016, с. 485].

Не ограничивая круг субъектов толкования, а также формализацию его результатов, полагаем, что данное определение равно охватывает как неофициальные интерпретационные практики, так и официальные, необходимые для достижения конкретных государственно-значимых целей. Тем не менее, несмотря на кажущуюся простоту сформулированного определения, верным представляется дать несколько комментариев относительно его логического наполнения.

Во-первых, очевидно, что содержание нормы права есть результат творческой деятельности законодателя, а значит, они также находятся в состоянии логического тождества: A_N равняется A_L , где A_N есть созданная норма права, а A_L есть воля законодателя, создавшего норму. Выведенное правило существует как данность еще до возникновения любого интерпретационного процесса – мы предполагаем в силу положений ряда учредительных государственных правовых актов, что все произведенные на свет правовые предписания есть результат сознательно-волевой деятельности носителей законодательной власти, а потому каждое сформулированное законоположение есть обернутая в словесную форму воля на урегулирование определенных общественных отношений. В то же время, как обоснованно отмечает Н. С. Таганцев, словесное воплощение нормы права нельзя абсолютизировать, превращая волю законодателя на создание нормы права в волю на создание нормы закона [Таганцев 2019]. Последняя лишь воплощение первой, а значит, является лишь средством правотворчества, а не самоцелью. Поэтому, несмотря на обязательную правоприменительную презумпцию адекватности законодательного текста действительным намерениям носителя правотворческих функций, она бесспорно должна являться опровержимой, преодолимой с помощью судебной аргументации.

Во-вторых, любое юридическое толкование должно стремиться к установлению тождества между искомым результатом и содержанием толкуемой правовой нормы (не нормы законодательства, а нормы права, не скованной текстом закона, а воспринимаемой сквозь призму конкретных методов (способов) интерпретации): A_1 должно равняться A_N , где A_1 есть результат толкования, а A_N есть содержание толкуемой нормы права (в противопоставлении норме закона). В случае нарушения данного правила

полученный результат толкования нельзя будет назвать удовлетворительным, а норму – уясненной в необходимой для правоприменения степени.

И, в-третьих, как вывод из первых двух правил, результат толкования должен ограничиваться волей законодателя, не выходить за пределы задуманного им правила поведения: A_1 должно равняться A_2 , где A_1 есть результата толкования, а A_2 есть воля законодателя на создание конкретной нормы права, урегулирование конкретных общественных отношений конкретным образом. Подобная позиция артикулирована во многих доктринальных источниках [Теория государства и права 2022], однако некоторые из них до сих пор обозначают в качестве цели толкования «уяснение истинного смысла правовых предписаний» [Протасов 2022, с. 104], не объясняя, что таким смыслом является. Мы же предлагаем отойти от подобных энигматических конструкций и согласиться с теми авторами, которые связывают смысл нормы с волей законодателя. Обобщенно это правило есть одно из контекстных ограничений, налагаемых на субъектов официального толкования. Оно, как это будет раскрыто позднее, проистекает из обозначенных выше учредительных актов государства, которые разделяют властные полномочия на несколько ветвей, заставляя тем самым их работать в кооперации. Правоприменители, которые отнесены к исполнительной и судебной ветвям власти, правотворчеством заниматься не могут, а значит, единственное, что им предписано, – в процессе юридической деятельности устанавливать волю компетентных органов, издавших толкуемый правовой акт. Забегая вперед, отметим, что именно это ограничение в современных реалиях часто отвергается в угоду различным интересам.

Список источников

1. Алексеев С. С. Общая теория права : курс в 2 т. – Т. 2. – М. : Юрид. лит., 1981. – 360 с.
2. Аристотель. Афинская полития. Государственное устройство афинян / пер. и прим. проф. С. И. Радцига. – 2-е изд. – М. : Соцэкгиз, 1937. – 254 с.
3. Биюшкина Н. И. Акты толкования Правительствующего Сената действующего законодательства Российской Империи (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2019. – № 6. – С. 92–98.
4. Верещагин А. Н. О формах судебного нормотворчества в Российской Империи // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2014. – № 11. – С. 4–23.
5. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. – М. : Юрайт, 2019. – 420 с.
6. Перетерский И. С. Дигесты Юстиниана. Очерки по истории составления и общая характеристика. – М. : Госюриздат, 1956. – 131 с.
7. Протасов В. Н. Теория государства и права : учебник и практикум для вузов. – М. : Юрайт, 2022. – 455 с.
8. Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права : в 8 т. – Т. 1 / пер. с нем. Г. Жигулина ; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. – М. : Статут, 2011. – 508 с.
9. Суркова С. В. Расширительное толкование норм права // «КонсультантПлюс» : справочно-правовая система. – 2022. – URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=СЛ&n=130962&dst=100027#Rdj05VTLDtRq79Z8> (дата обращения: 26.10.2022).
10. Таганцев Н. С. Русское уголовное право : в 2 ч. – Ч. 1. – М. : Юрайт, 2019. – 414 с.
11. Теория государства и права : учебник для вузов / под ред. А. С. Пиголкина, Ю. А. Дмитриева. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2022. – 516 с.
12. Теория государства и права для обучающихся по специальности «Правоохранительная деятельность» : учеб. пособие для вузов / под ред. Р. А. Ромашова, Е. Л. Харьковского. – М. : Юрайт, 2022. – 441 с.
13. Указ о хранении прав гражданских // Указы блаженные и вечнодостоинныя памяти государя императора Петра Великого самодержца Всероссийскаго, состоявшиеся с 1714, по кончину его императорскаго величества, генваря по 28 число, 1725 году. – СПб., 1739. – Разд. : Указы 1722 года. – С. 60–61. – URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2010/> (дата обращения: 25.10.2022).
14. Черданцев А. Ф. Толкование советского права. – М. : Юрид. лит., 1979. – 166 с.

15. Шершеневич Г. Ф. Избранное : в 6 т. – Т. 4 (включая Общую теорию права) / вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. – М. : Статут, 2016. – 752 с.
16. Ammann O. Domestic Courts and the Interpretation of International Law. Methods and Reasoning Based on the Swiss Example. – Copenhagen : Brill Publishers, 2020. – 383 p.
17. Cover R. M. Violence and the Word // The Yale Law Journal. – 1986. – Vol. 95, no. 8. – P. 1601–1629. – DOI 10.2307/796468.
18. Draft Articles on the Law of Treaties with commentaries // Yearbook of the International Law Commission. – 1966. – Vol. II. – P. 187–274.

Информация об авторе

Павел Алексеевич Ларионов, магистрант, Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Pavel A. Larionov, Master's Student in Law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russia).

Статья поступила в редакцию | The article was submitted 27.10.2022.

Одобрена после рецензирования | Approved after reviewing 06.01.2023.